

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОРОПАНОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы факультета управления, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Челябинск, Российская Федерация)

vvoropanov@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ СУДА ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ ОКРУГОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье анализируются особенности формирования и деятельности специальных судов в горных округах Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: история права, судопроизводство, Российская империя XIX века

В статье анализируются особенности организации судебной системы на территориях Урала и Западной Сибири, выделенных в управление отраслевой государственной администрации, что способствует пониманию тенденций развития общественных отношений в России первой половины XIX века. Исследование проводилось на основе нормативно-правовых актов, содержащихся в Полном собрании и Своде законов Российской империи, а также материалов делопроизводственной документации, извлеченных из фондов ряда государственных архивов.

В конце XVIII – начале XIX века правительство вело поиск оптимальной организации ведомственных учреждений, способствующей рационализации административного и хозяйственного руководства казенными и частными предприятиями, поддержанию и повышению эффективности металлургического производства [52]. В 1802 году обязанности Екатеринбургской конторы судных и земских дел унаследовали три горных начальства. Инструкция от 26 февраля 1802 года уполномочила горную администрацию разбирать в ведомстве споры об угодьях, владельческих правах, прекращать конфликты заводовладельцев и работников. Горным начальствам поручались «малыя распри и друг друга обиды, не тяжкому осуждению подлежащая», возникшие среди обывателей приписных селений. Споры крестьян «о праве собственности», а также уголовные дела с их участием находились в компетенции земской полиции и уездных судов [1].

Итогом переосмысления опыта администрирования и кодификации специального законодательства стал «Проект горного положения» от 13 июля 1806 года, разделивший органы горнозаводского и губернского управления, усиливший роль органов административной юстиции, внесший изменения в компетенцию судов общей юрисдикции. Реформа способствовала появлению на Урале замкнутой категории гор-

нозаводских работников. В столице функции Берг-коллегии перешли Горному департаменту Министерства финансов. Положение региональной администрации с исключительными полномочиями заняло Пермское горное правление, разделенное на два профилирующих департамента. Генерал-губернатор, ответственный за успешное управление «горной частью» на территории Вятской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерний, не имел влияния на деятельность судебного департамента, возглавленного берг-инспектором [11].

«Суд по делам гражданским и разбирательство в распрях и обидах» мастеровых и рабочих людей в поселениях, удаленных от уездных учреждений, предоставлялись низшей горной администрации. Горный начальник обязался составлять при главном заводе особое присутствие из помощника и двух чиновников ведомства. Впрочем, по делам между собой работники могли обратиться к посредникам, инициировав образование словесного или третейского суда. Жалобы на мастеровых и рабочих людей, носителей горных, статских, военных чинов подавались управителю, помощнику или горному начальнику, которые пытались урегулировать конфликт и примирить стороны. Следующим этапом разбирательств являлось избрание тяжущимися 2–4 членов словесного суда. В случае неудачи частных посредников и отказа от общего дело поступало на рассмотрение заводского начальства [13].

«По части судной горный начальник не есть судья, – констатировал законодатель, – но единственно блюститель законов и защитник обиженного». Начальник оценивал правомерность заключений конторского суда. «В малых упущениях по службе, во взыскании со всякого должностей и обязанностей», а также «в малых распрях и обидах» начальник действовал в рамках административного права. Руководители обяза-

лись удовлетворять стороны «коротким словесным судом» [3]. По делам служащих, мастеровых и рабочих людей каждый горный начальник наделялся функциями адвокатуры, обязуясь не только «быть защитником в справедливости, но в случае нужды даже истцем сам собою или чрез своего депутата» [32]. В горном ведомстве создавались специальные подразделения полиции, тесно взаимодействовавшие с уездными органами правопорядка. Заводские и горные исправники вводились в состав земских судов в качестве старших членов. Полиция, контролировавшая частные заводы, подчинялась непосредственно берг-инспектору [12].

Право низшего суда на частных заводах принадлежало заводчикам, их главным поверенным, заводским конторам и заводским исправникам [7]. Заводовладельцы организовали судебное управление на основе законодательства и инструкций ведомственной администрации [49; 173–174], [51; 54–55], [55; 84–86], регламентировавшей порядок прохождения дел по инстанциям и систему наказаний за мелкие правонарушения [34].

В уездные суды, магистраты и ратуши подавались частными лицами или пересылались по подсудности горной администрацией имущественные иски населения казенных заводов; посредством заводских исправников поступали гражданские и уголовные дела обывателей частных заводов [4]. Нехватка квалификации у гражданских чиновников при разборе специфических исков, связанных с горно-промышленным сектором, возмещалась институтом «горных» депутатов, включенных в состав судов [2]. Прочие суды, магистраты и ратуши при наличии в уездах заводов также подчинялись требованиям Пермского горного правления [24]. Решения неуполномоченных судей могли быть аннулированы [41].

Высшая администрация могла инициировать перевод земских и уездных судов в «горный» город, учреждение дополнительных присутственных мест — судов, магистратов, ратуш [6]. Возможность изменений в приписке селений, городов и заводов рассматривалась с учетом нагрузки судов [28], [29], [31], [37]. Постановления судов первой инстанции передавались для контрольного просмотра горным начальникам. Несогласие местного руководителя с правовым обоснованием, а также сумма иска свыше 100 руб. влекли передачу дела в департамент горного правления [8]. В 1808 году цена иска, окончательно удовлетворявшегося уездными судами, снизилась со 100 до 25 руб., что соответствовало общей практике осуществления правосудия в первой инстанции [14]. Ревизию дел с обвинением лиц смешанной подсудности осуществляли уголовная палата или судебный департамент горного правления по сословной принадлежности главного фигуранта. В качестве депутатов в горное правление командиро-

вались судья или заседатель Екатеринбургского уездного суда. Дела, поступившие из названного суда, рассматривались без «гражданского» представителя «под особым наблюдением прокурора». Для присутствия в уголовной палате назначался чиновник по распоряжению главы администрации [25]. Генерал-губернатор, уполномоченный ходатайствовать о пересмотре дел в Сенате, утверждал решения судебного департамента. В Сенат обязательно отправлялись дела с суммой исков свыше 500 руб., а также связанные с пересмотром владельческих прав на рудники, земли, леса и другие угодья [9].

В исключительных случаях законодательство предусматривало применение к гражданским лицам военно-уголовного законодательства. Население горных округов рассматривалось как состоящее в служилом сословии, от которого требовалось строгое соблюдение трудовой дисциплины [54]. Милитаризация управления казенными заводами ужесточила уголовное преследование чиновников, а также мастеровых и рабочих людей, совершивших преступления [53]. Постоянный военный суд с апреля 1802 года действовал в Екатеринбурге [36]. Согласно Горному положению 1806 года, право формировать временные военно-судные комиссии принадлежало горному начальнику. «Презес» военного суда определялся из горных или военных офицеров, 2–6 ассессоров — из горных, военных или статских чинов, служивших при заводах. Суду военных комиссий подлежали «все и всех классов» лица мужского пола, совершившие уголовные преступления и состоявшие «в действительной горной службе» [5], [38].

Оправдательные и обвинительные приговоры оценивались горным начальником, обладавшим правом уменьшить степень наказания. Дела о разбоях, убийствах, умышленных поджогах с мнением начальника поступали к генерал-губернатору, также компетентному ослабить назначенное судом наказание. В 1809 году из-за некомпетентности горных чиновников право утверждения сентенций военно-судных комиссий сосредоточилось в руках генерал-губернатора [15]. Приговоры, лишавшие дворян «чести» и чинов, с мнением главы администрации отправлялись министру юстиции для обсуждения в Сенате и последующего доклада монарху [10]. Позднее главный начальник Уральского горного округа представлял приговоры о наказании классных чиновников, а также мастеров, межевщиков, пробырищиков, уставщиков и художников министру финансов для последующей передачи в Горный аудиториат [17].

Смешанный состав обвиняемых предполагал совместное разбирательство дел военными, горными офицерами и уездными судьями [16]. С 1831 года членам губернских палат уголовного суда в порядке ревизии зачитывались выписки

из военно-уголовного делопроизводства об обывателях, вовлеченных в преступления военно-служащих, и сентенции комиссий [26]. В состав военных судов над гражданскими лицами и по отдельным категориям дел обязательно вводились члены уездных судов [42]. Военно-судные комиссии, созданные в связи с массовыми выступлениями, пользовались особым вниманием высшей администрации [35], [39].

В 1820-х годах новые решения по организации управления и юстиции на ведомственной территории были предприняты в связи с преобразованием системы управления в Сибири в горном округе, подчиненном Кабинету его императорского величества. Автономия округа была нарушена передачей административных, полицейских и судебных полномочий губернским органам. Томский губернатор, получивший статус начальника Колывано-Воскресенских заводов, занял положение номинального арбитра во взаимоотношениях губернских и горнозаводских структур управления [50; 7–13], [56], [58; 58]. Итоги реформы 1822–1824 годов, обусловленной сложным сочетанием общегосударственных, отраслевых и частных интересов, скорректировало и закрепило «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских заводов» от 16 апреля 1828 года.

Состав сельской и волостной администрации приписных крестьян, оставшихся, в отличие от уральских жителей, связанными с горнозаводским хозяйством, регулировался уездным и губернским начальством. Инструкция рекомендовала руководству округов стремиться к воздействию «на волостные правления непосредственно», сокращая число земских управителей [18]. Управители, возглавившие волостные отделения, подчинились окружной (уездной) полиции. Они исполняли обязанности отдельных заседателей земских судов и, в частности, осуществляли предварительное следствие по уголовным делам [58; 57], разбирая маловажные внутриобщинные споры о землях и угодьях [48].

Основным звеном уездного уровня ведомственной системы управления оставались заводские (горные) конторы. Общее присутствие конторы, помимо решения специализированных вопросов, рассматривало дела о мелких преступлениях мастеровых, рабочих людей и урочников на сумму ущерба до 20 руб., ослушании начальства, первом побеге без отягчающих обстоятельств. Внутренняя организация и обязанности конторского штата регламентировались. Полномочиями горной полиции наделялся первый стол под руководством особого чиновника [21].

В Колывано-Воскресенском горном округе Кабинет его императорского величества использовал правила и опыт судопроизводства, сформировавшиеся в удельном ведомстве, где действия следователей, окружных и губернских судей

контролировались специальными чиновниками, депутатами по делам приписных крестьян, уполномоченными горным начальством. С 1824 года Колывано-Воскресенский округ делился на 13 депутатских участков. Депутат Ояшинского отделения, проживая в Томске, посещал губернские учреждения. Чиновники свидетельствовали правомерность допросов, присутствовали при разборе дел, информируя горное правление, компетентное опротестовывать судебные решения [40], [57; 33]. На основании полученного в Западной Сибири опыта и «применяясь к тому порядку, как ведаются удельные крестьяне» [33], в 1828 году Министерство финансов инициировало введение депутатов по делам приписных крестьян в уездные суды Олонецкой губернии [23].

В ведомстве Кабинета его императорского величества на Алтае сохранился репрессивный характер уголовного судопроизводства. Обеспечивая продуктивность металлургических предприятий, администрация жестко контролировала повседневную жизнь обывателей Колывано-Воскресенского горного округа [43], [45], [46]. Увеличение населения и как следствие — дел, рассматривавшихся Барнаульской комиссией военного суда, побудило начальника заводов ходатайствовать в мае 1818 года о формировании в горном округе системы постоянно действующих судебных органов. Состав трех военно-судных комиссий комплектовался из чиновников ведомства [47]. С 1828 года «по особым случаям» при заводах и рудниках могли дополнительно создаваться временные военно-судные комиссии в составе презеса из горных офицеров и 2–6 асессоров из числа как горных, так и статских чиновников, назначавшихся начальником заводов. Военному суду за совершение уголовных преступлений предавались все лица, «какого бы звания и состояния ни были», занятые исполнением обязанностей на заводах. Мастеровые, набравшиеся рекрутским способом, «уподоблялись» военнослужащим и подлежали военному суду за преступления, совершенные до перевода на заводы, отставные служащие — за преступления, совершенные до отставки [22].

Судебные вопросы курировало 3-е отделение горного правления под надзором советника, члена присутствия. В первый стол судного отделения поступали ежемесячные ведомости о производстве военно-судных дел, числе подсудимых и лиц, взятых под стражу, а также приговоры, вынесенные ведомственными судьями. Чиновники второго стола занимались размежеванием спорных «дач», принимали сведения о следствиях, производстве и окончании дел о крестьянах, решали вопросы полицейской юрисдикции по Барнаулу, заводам и рудникам, составляли донесения Кабинету его императорского величества о происшествиях в округе [19]. В присутствие горного правления в лице 4 советников поступа-

ли определения и представления военных судов, донесения общих присутственных мест и должностных лиц. В отличие от прочих постановлений, записывавшихся в журналы, судебные решения оформлялись протоколами.

Томский губернатор являлся последней инстанцией по делам военно-судных комиссий о преступлениях, отнесенных к категории тяжких: разбоях, грабежах, убийствах, поджогах и вымогательствах. Кабинет его императорского величества обладал правом ревизии приговоров горного правления об исключении со службы, лишении чинов и сословного достоинства классных и неклассных чиновников из дворян, штаб- и обер-офицерских детей, а также о наказании групп свыше 9 человек [20]. Горное начальство отвечало за исполнение решений судов общей юрисдикции посредством земских управителей [44].

Правительственные дискуссии конца 1820-х годов по вопросам преодоления производственных трудностей в сибирской сереброплавильной промышленности закончились передачей колывано-воскресенских и нерчинских предприятий на 25 лет в ведение Министерства финансов. Законодательная регламентация военно-судной деятельности обновилась. Полномочия Кабинета по военно-судным делам с 1831 году принадлежали Горному суду при судном отделении Департамента горных и соляных дел. Постановления Горного суда рассматривались в Советах Департамента и Министерства финансов и вступали в силу после утверждения министром. Приговоры о лишении чинов и дворянства требовали согласия монарха [27]. С 1837 году военно-судные дела горного ведомства отделялись от гражданских и поступали в аудиторский стол при штабе Корпуса горных инженеров. Делопроизводство осуществлялось специальной канцелярией во главе с корпусным обер-аудитором. Приговоры выносило присутствие Горного аудиториата (1837–1863 годы). Тяжебные, исковые дела, апелляционные прошения, а также материалы, пересылавшиеся из уголовных палат и Сената, по-прежнему рассматривались в судном отделении Департамента горных и соляных дел и направлялись на

ревизию в Совет Корпуса горных инженеров. С выходом в 1855 году отделения Алтайских и Нерчинских заводов из Департамента горных и соляных дел военно-судные дела разбирались Горным аудиториатом в присутствии представителя Кабинета его императорского величества. Ответственность за исполнение приговоров возлагалась на Кабинет как высший орган управления сибирскими заводами [30].

Таким образом, в первой трети XIX века в условиях усиления патронажа верховной власти над отдельными категориями податного сельского населения в целях успешного правового регулирования межсословных отношений и достижения экономических результатов население, занятое заводскими службами и работами, было выделено в корпорации, подведомственные региональной отраслевой администрации. Реорганизациями в системе местного управления, пересмотром территориальной, объектной и предметной юрисдикции государственных органов правительство стремилось повысить эффективность горно-металлургических предприятий Урала и Западной Сибири. Общие судебные места Уральского горного округа не устранялись от решения дел по искам и жалобам мастеровых и рабочих людей, однако судопроизводство по ним стало осуществляться при участии ведомственного чиновника, а результаты оцениваться горной администрацией. Интересы, выходившие за пределы установленной компетенции, рассматривались специализированным департаментом горного правления. В 1822 году Кабинет его императорского величества уступил юрисдикцию над приписными крестьянами, купцами и мещанами горного ведомства на Алтае общим судам, поставив процесс по делам приписных крестьян под контроль уполномоченных депутатов, подотчетных специализированному отделению горного правления. Скорое наказание за преступления, совершенные лицами, состоявшими в горной службе, исключая женщин, проживавших при казенных заводах, достигалось на основе военно-уголовного законодательства. В горных округах востребовалась обособленная система специальных судов – постоянных и временных военно-судных комиссий.

ИСТОЧНИКИ

1. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20160, 20300; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 57. Л. 1–3.
2. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 22, 25, 829, 830, 832.
3. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 23, 354, 827, 850.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 24, 872.
5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 26, 855–861.
6. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 723–725, 727.
7. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 827.
8. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 850.
9. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 852, 854.
10. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 868.
11. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Частные замечания на Горное положение. Разд. VI. Ст. 2; Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 36, 60–61, 68, 74, 76, 279–280, 291.

12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Частные замечания на Горное положение. Разд. VI. Ст. 17; Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 19–20, 773–775.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Частные замечания на Горное положение. Разд. VI. Ст. 18; Проект Горного положения для заводов хребта Уральского. Ст. 823–826, 828.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 22976.
15. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23980; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 14. Л. 185–185 об.
16. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 515; ГАСО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 1. Л. 2; ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1029. Л. 1.
17. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 687. § 45; СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1573.
18. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 8.
19. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 15, 27–29; Центр архивного хранения Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–6 об.
20. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 40, 46–48, 84–85.
21. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 61, 66.
22. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1960. § 208–214; Центр архивного хранения Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–14 об.; Оп. 2. Д. 26. Л. 100, 125–125 об.
23. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2465.
24. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. IV. № 2620.
25. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4396, 5047; СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1609.
26. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4665.
27. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4775.
28. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIV. № 12574.
29. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVI. № 14856.
30. СЗ РИ. Т. VII. Кн. I. Ст. 8–9; Кн. III. Ст. 2127–2132.
31. СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1529.
32. СЗ РИ. Т. VII. Кн. II. Ст. 1533.
33. СЗ РИ. Т. VII. Кн. III. Ст. 2125.
34. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2 об.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 1. Л. 5.
36. ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. Л. 7–7 об.
37. ГАСО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16.
38. ГАСО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1783. Л. 2 об.–596.
39. ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1–14; Ф. 480. Оп. 1. Д. 1–43.
40. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 459. Л. 1.
41. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 425. Л. 11–12.
42. ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2896. Л. 438.
43. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1814. Л. 495.
44. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1814. Л. 503–504 об., 529; Д. 3168. Л. 130–131, 138–138 об., 221–221 об., 596–597 об.
45. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1814. Л. 559–559 об., 605–605 об.; Д. 1932. Л. 71–71 об.
46. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1932. Л. 63.
47. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2161. Л. 12–13 об.
48. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8; Оп. 2. Д. 441. Л. 289–290.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

49. Агафонова Н. Н. Организация управления в пермских имениях Строгановых в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. № 3. С. 173–181.
50. Борблик Е. М. Либеральная и консервативная тенденции в организации управления горными округами Сибири в начале XIX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1992. С. 3–16.
51. Мельчакова О. А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург: Волот, 1998. С. 47–62.
52. Новиков И. А. Реформа управления горнозаводской промышленности Урала в начале XIX в. // Вестник Челябинского университета. Сер. «Государственное и муниципальное управление». 1998. № 1. С. 45–52.
53. Павловский Н. Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: Уральское отделение АН СССР, 1991. С. 127–150.
54. Пережогин А. А. Формирование института военного суда в Колывано-Воскресенском Горном округе (1747–1780 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 161–164.
55. Положение об управлении Пермского нераздельного имения // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Т. 3. Пермь, 1895. С. 96–105.
56. Соболева Т. Н. Причины и предпосылки административных реформ в Кабинетском районе Западной Сибири во второй половине XVIII–XIX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 151–154.
57. Соболева Т. Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Вып. 1. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. С. 29–36.
58. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории Кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. 258 с.